

·thebigbook·

СТЮАРТ ТЁРТОН

СЕМЬ
♦
СМЕРТЕЙ
♦
ЭВЕЛИНЫ
♦
ХАРДКАСА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Т 35

Stuart Turton
THE SEVEN DEATHS OF EVELYN HARDCASTLE
Copyright © Stuart Turton, 2018
Endpapers art © Emily Faccini, 2018
All rights reserved

Перевод с английского Александры Питчер

Оформление обложки Ильи Кучмы и Виктории Манацковой

Тёртон С.

Т 35 Семь смертей Эвелины Хардкасл : роман / Стюарт Тёртон ; пер. с англ. А. Питчер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 512 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-17612-6

Роман Стюарта Тёртона — «головоломная, и притом совершенно органичная, смесь „Аббатства Даунтон“ и „Дня сурка“, Агаты Кристи и сериалов типа „Квантовый скачок“» (*Sunday Express*). «Эта книга свела меня с ума», — пишет маститая Софи Ханна, и ей вторит автор «Женщины в окне» А. Дж. Финн: «Освежающе оригинально, нечеловечески хитроумно... Жаль, что не я сам это написал».

Итак, на бал-маскараде в Блэкхит-хаусе, имении семейства Хардкасл, произойдет убийство: на пике праздника, под аккомпанемент величественного салюта, погибнет красавица Эвелина, единственная дочь и наследница Хардкаслов. Но умрет она не единожды: пока Айдэн Слоун, один из приглашенных на праздник гостей, не разрешит загадку ее убийства, этот день будет повторяться снова и снова, неизменно завершаясь роковым пистолетным выстрелом. Единственный способ разорвать этот порочный круг — установить личность убийцы. Но каждый раз, после каждой неудачной попытки, Айдэн приходит в себя в чужом теле — и каждый раз в разном...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

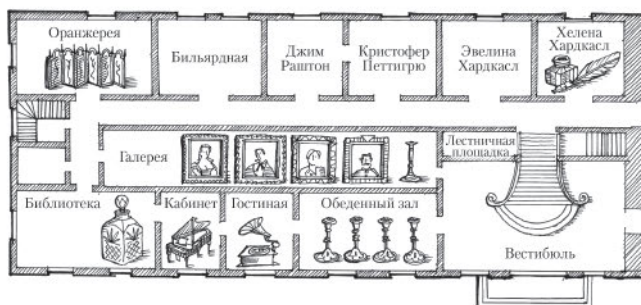
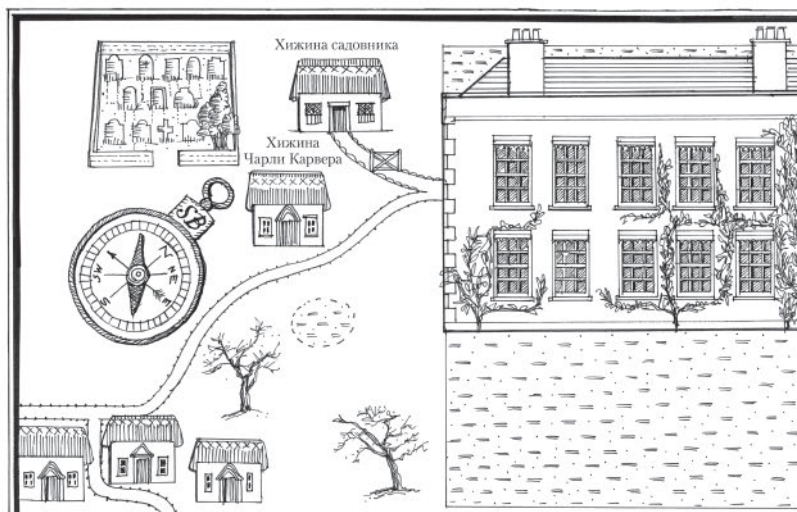
© А. Питчер, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

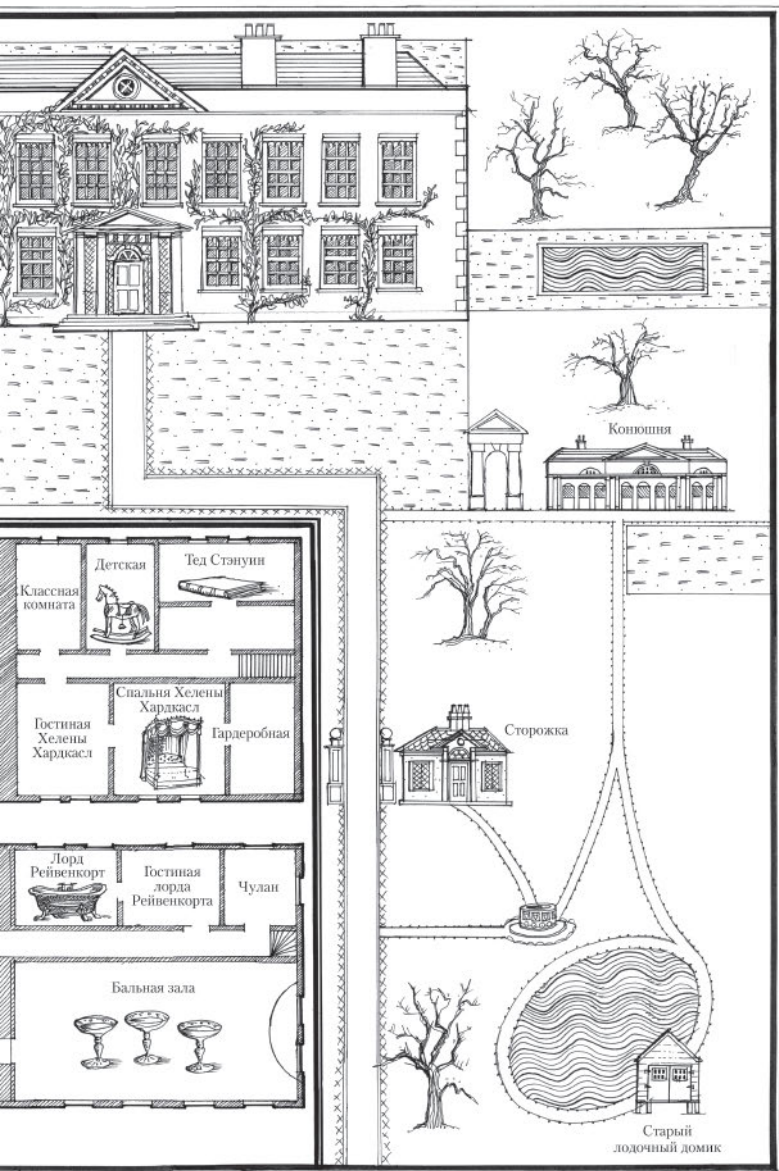
ISBN 978-5-389-17612-6

*Моим родителям, которые дали мне все
и не просили ничего.*

*Моей сестре, первому и самому взыскательному
читателю, от шмелей и так далее.*

*И моей жене, чья любовь, поддержка
и требования периодически отрываться от клавиатуры
сделали эту книгу тем, на что я и не смел надеяться.*

*Приглашаем вас
на бал-маскарад*

*в Блэкхит-хаус, имене семейства Хардкасл,
где вам окажут самый радушный прием
лорд Питер Хардкасл и леди Хелена Хардкасл,
а также
их сын Майкл Хардкасл,
их дочь Эвелина Хардкасл.*

В числе гостей:

*Эдвард Дэнс, Кристофер Петтигрю и Филип Сатклифф,
адвокаты семейства,
Грейс Дэвис и ее брат Дональд Дэвис, светские особы,
капитан Клиффорд Харрингтон,
отставной офицер военно-морского флота,
Миллисент Дарби и ее сын Джонатан Дарби, светские особы,
Даниель Кольридж, профессиональный игрок,
лорд Сесил Рейвенкорт, банкир,
Джим Раштон, констебль,
доктор Ригард (Дикки) Эккер,
доктор Себастьян Белл,
Тед Стэнунин.*

Слуги:

*Роджер Коллинз, дворецкий,
миссис Драдж, повариха,
Люси Харпер, старшая горничная,
Альф Миллер, конюх,
Грегори Голд, художник-реставратор,
Чарльз Каннингем, камердинер лорда Рейвенкорта,
Маглен Обэр, камеристка Эвелины Хардкасл.*

*Гостей просят воздержаться от разговоров
о Томасе Хардкасле и Чарли Карвере,
дабы не расстраивать хозяев
напоминанием о трагических событиях.*

День первый

Делаю шаг и тут же все забываю.

Выкрикиваю: «Анна!» — и удивленно закрываю рот.

В голове пусто. Не знаю, кто такая Анна и зачем я ее зову. Не знаю даже, как я сюда попал. Стою посреди леса, прикрывая глаза рукой от морозящего дождя. Сердце колотится, от меня несет потом, ноги дрожат. Наверное, я бежал, но не помню куда.

— Как... — Я осекаюсь, заметив свои руки. Костлявые, уродливые. Чужие. Я их совсем не узнаю.

Охваченный приступом внезапного страха, пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь о себе: имена родных и близких, домашний адрес, свой возраст, да что угодно. Бесполезно. Не помню даже, как меня зовут. За миг все, что я знал, вылетело из головы.

Горло перехватывает, дышу прерывисто, хрипло. Лес кружит, перед глазами мелькают черные пятна.

«Успокойтесь».

— Не могу вдохнуть, — сиплю я, оседая на землю; пальцы впиваются в грунт, в ушах гудит.

«Можете. Для начала успокойтесь».

Внутренний голос звучит уверенно, подбадривает:

«Закройте глаза, слушайте лес. Возьмите себя в руки».

Повинуясь голосу, закрываю глаза, слышу только свое прерывистое дыхание. Оно заглушает все остальное, но я медленно, осторожно проделываю дырочку в страхе, подпускаю к себе посторонние звуки. По листьям стучат

дождевые капли, над головой шелестят ветки. Справа от меня журчит ручей, в кронах деревьев кричат вороны, хлопают крыльями, взлетая в небеса. В траве что-то шуршит, где-то совсем рядом прыгает кролик. Я сплетаю нити воспоминаний, одно за другим, кутаюсь в пятиминутное полотно прошлого. Ненадолго отгоняю страх.

Неуклюже встаю, невольно удивляясь своему росту, — я такой высокий, земля так далеко. Пошатнувшись, стряхиваю с коленей мокрую листву, впервые замечаю, что на мне фрачная пара, белая сорочка перепачкана грязью, залита красным вином. Наверное, я был на званом ужине. В карманах пусто, я без пальто. Значит, ушел недалеко. Это хорошо.

Похоже, светает. По-видимому, я бродил здесь всю ночь. Фрачную пару не надевают те, кто собирается провести вечер в одиночестве, так что мое отсутствие наверняка уже заметили. Где-то там, за деревьями, скорее всего, стоит дом, его обитатели просыпаются, поднимают тревогу, отправляют людей на поиски. Я вглядываюсь в лесные заросли, смутно надеясь увидеть, как из-за кустов выходят друзья, хлопают меня по плечу и мы, перешучиваясь, возвращаемся домой. Увы, мечты не выведут из леса, бесполезно сидеть и ждать, пока меня отыщут. Меня пробирает дрожь, зубы стучат. Надо двигаться хотя бы для того, чтобы согреться, но вокруг одни деревья. Известно, куда идти, в какой стороне меня ждет спасение.

В растерянности я обращаюсь к последнему действию того, кем я был:

— Анна!

Очевидно, именно из-за нее я оказался в лесу. Вот только я не в состоянии ее представить. Может, она моя жена? Или дочь? Нет, не похоже, но имя чем-то притягивает. Для меня она явно с чем-то связана.

— Анна! — отчаянно, безнадежно зову я.

— Помогите! — откликается женщина.

Я резко оборачиваюсь на голос. Перед глазами все плывет, но вдали за деревьями мелькает фигура женщины в черном. Спустя несколько секунд через кусты лопит ее преследователь.

— Эй, стой! — кричу я, но мой слабый голос еле слышен за топотом ног.

От неожиданности застываю на месте. Они почти скрываются из виду, и тут я бросаюсь следом с быстротой, поразительной для ноющего, усталого тела. Увы, я не могу их нагнать.

Обливаюсь потом, ноги не держат, подгибаются, вконец отказывают — и я шлепаюсь в грязь. Копошусь в палой листве, с трудом встаю и снова слышу, как по лесу разносится заполошный крик. Его обрывает выстрел.

— Анна! — отчаянно зову я. — Анна!

В ответ звучит угасающее эхо пистолетного выстрела.

Тридцать секунд. Вот как долго я мешкал после того, как заметил ее в первый раз. Вот на каком расстоянии от нее находился. Тридцать секунд замешательства, тридцать секунд полного бездействия.

Замечаю под ногами толстый сук, поднимаю, замахи-ваюсь для пробы. Увесистый, с грубой корой, он придает мне уверенности. Разумеется, обломанная ветка, даже толстая, не защитит от пистолета, но все же лучше бродить по лесу с ней, чем с пустыми руками. Я все еще с трудом перевожу дух, все еще дрожу после недолгой пробежки, но чувство вины влечет меня туда, откуда слышался крик Анны. Я стараюсь не шуметь, осторожно отвожу низко нависшие ветви, ищу то, что видеть совсем не хочется.

Слева от меня хрустит ветка.

Затаив дыхание, я напряженно вслушиваюсь.

Хруст звучит снова, шуршит листва, трещит хворост под ногами. Меня обходят сзади.

Кровь застывает в жилах, я замираю. Боюсь оглянуться.

Шорох все ближе, за спиной дышат — ровно, неглубоко. У меня снова подгибаются ноги, сук падает на землю.

Я бы взмолился, но не помню слов.

Теплое дыхание щекочет шею. Пахнет спиртным, сигаретами, невымытым телом.

— На восток, — хрипло произносит мужской голос.

Неизвестный сует мне в карман что-то тяжелое.

И уходит. Шаги удаляются в чащу. Я обмякаю, прижав лоб к земле, вдыхаю запах прелой листвы и перегноя. По щекам катятся слезы.

Облегчение удручает, трусость угнетает. Я побоялся даже взглянуть на своего мучителя. Что я за человек такой?

Через несколько минут страх отпускает, ко мне возвращается способность двигаться, и я в полном изнеможении прислоняюсь к дереву. Подарок убийцы оттягивает карман. Дрожа от ужаса, я запускаю туда руку, вытаскиваю серебряный компас.

— Ой! — удивленно восклицаю я.

Стекло с трещиной, корпус в царапинах, на нем выгравирован вензель «СБ». Не знаю, что он означает, но слова убийцы становятся понятны. По компасу мне нужно на восток.

Я виновато гляжу на лес. Труп Анны где-то неподалеку, но, если я его отыщу, что сделает убийца? Мне страшно. Может быть, я остался в живых потому, что не обнаружил тела. Стоит ли и дальше полагаться на милосердие злодея?

«Если это и впрямь милосердие».

Я долго смотрю на подрагивающую стрелку компаса. Сейчас я мало в чем уверен, но твердо знаю, что убийцам милосердие несвойственно. Убийца ведет какую-то непонятную игру, его советам веры нет, но если я не последую этому совету, то... Я снова оглядываю лес. Куда ни посмотри, везде деревья, без конца и края, под небом, полным злобы.

«Это ж как надо заплутать, чтобы положиться на дьявола в поисках дороги домой?»

А вот так, решаю я. Так, как я заплутал.

Я отстраняюсь от ствола, кладу компас на раскрытую ладонь. Стрелка рвется на север. Я поворачиваюсь на восток, против ветра и холода, против целого мира.

Надежда меня оставила.

Я слепец в чистилище, куда меня привели незримые грехи.

Ветер воеет, ливень усиливается, струи дождя хлещут деревья, отскакивают от земли, заливают лодыжки, а я иду по компасу.

В сумраке замечаю яркое пятно, бреду к нему. К дереву прибит красный носовой платок, след какой-то давней детской игры. Ищу еще один, нахожу через несколько шагов, а потом вижу и третий. В сумраке бреду от одного к другому и наконец выхожу из леса на опушку, точнее, к величественному георгианскому особняку из красного кирпича, увитому плющом. Судя по всему, особняк заброшен. Подъездная аллея заросла сорняками, прямоугольные лужайки по обе стороны превратились в топи, цветочные бордюры завяли.

Пытаюсь обнаружить хоть какие-то признаки жизни, оглядываю темные окна и наконец замечаю слабый отсвет на втором этаже. Мне чудится, что я наткнулся на какое-то спящее чудовище, огромное и ужасное, а мерцающий свет в окне — ровное биение его сердца. Может быть, убийца подарил мне компас для того, чтобы отправить меня прямо в зловещую пасть?

Вспоминаю об Анне, через силу делаю первый шаг. Она рассталась с жизнью из-за моего тридцатисекундного замешательства, а теперь я снова в нерешительности. Нервно сглатываю, смахиваю с лица дождевки, пересекаю лужайку, поднимаюсь по выщербленным ступенькам к входной двери. С детским нетерпением колочу в нее,

трачу последние силы на стук. В лесу свершилось ужасающее злодеяние, но преступника еще можно изловить, если мне удастся разбудить обитателей особняка.

А у меня ничего не получается.

Бьюсь в дверь до изнеможения, но ее не открывают.

Приложив ладони к лицу, поочередно прижимаюсь носом к высоким окнам по обе стороны двери, но витражи покрыты слоем грязи, так что внутри можно разглядеть лишь желтоватые пятна. Стучу по стеклам ладонью, возвращаюсь к парадной двери, пытаюсь сообразить, как попасть в дом. И тут вижу ржавую цепочку дверного звонка, увитую плетью плюща. Выпутываю цепь, дергаю изо всех сил и продолжаю дергать, пока не замечаю какое-то движение за окнами.

Дверь открывает заспанный тип наистраннейшей наружности, и несколько секунд мы стоим, ошеломленно разглядывая друг друга. Кособокий коротышка изуродован ожогами, жуткие шрамы покрывают половину лица. Просторная пижама болтается на нем как на вешалке, а на кривые плечи накинут ветхий бурый шлафрок. В этом создании почти нет ничего человеческого, словно он последний представитель какой-то исчезнувшей ветви нашего эволюционного дерева.

— Ох, бога ради, помогите, — говорю я, приходя в себя. Он смотрит на меня, разинув рот.

— У вас есть телефон? — спрашиваю я. — Надо позвонить в полицию.

Никакой реакции.

— Да не стойте же столбом! — кричу я, встряхиваю его за плечи, протискиваюсь в вестибюль и сам невольно раскрываю рот от изумления.

Здесь все блестит и сверкает, в шахматных плитках мраморного пола отражается хрустальная люстра с де-

сятками свечей. По стенам развешаны зеркала в тяжелых рамах, широкая лестница с замысловатыми перилами ведет к галерее второго этажа, по ступеням стекает узкая ковровая дорожка, алая, как кровь убитого зверя.

В дальнем конце комнаты хлопает дверь, из глубины особняка появляется вереница слуг, человек пять или шесть, с охапками розовых и лиловых цветов, аромат которых перебивает запах растопленного воска. Оживленная болтовня стихает, как только слуги видят запыхавшийся кошмар у входа. Один за другим они поворачиваются ко мне, затаив дыхание. Воцарившуюся тишину нарушает только звук воды, льющейся с моей одежды на чистый пол.

Кап.

Кап.

Кап-кап.

— Себастьян?

Импозантный блондин в крикетном джемпере и льняных брюках сбегает по лестнице, перепрыгивая через две ступени за раз. Он чуть старше пятидесяти, но возраст делает его не усталым и изможденным, а лишь немного потрепанным — сказывается привычка к излишествам. Не вынимая рук из карманов, он устремляется ко мне. Перед ним поспешно расступаются слуги, но он их как будто не замечает, не сводит с меня глаз.

— Дружище, что с вами? — спрашивает он, участливо наморщив лоб. — Когда мы...

— Немедленно вызывайте полицию, — говорю я, хватая его за руку. — Анну убили.

Слуги взволнованно перешептываются.

Он недоуменно смотрит на меня, косится на слуг, которые потихоньку подходят ближе, негромко повторяет:

— Анну?

— Да, Анну. За ней гнались.

— Кто?

— Кто-то в черном. Надо вызвать полицию!

— Да-да, конечно. Но сначала давайте поднимемся к вам в комнату, — ласково предлагает он и подталкивает меня к лестнице.

Перед глазами все плывет, то ли из-за того, что в доме жарко натоплено, то ли от облегчения при виде дружелюбного лица; крепко держась за перила, я нетвердыми шагами поднимаюсь по ступенькам.

На лестничной площадке нас встречают высокие напольные часы; механизм проржавел насквозь, секунды осели пылью на маятнике. Оказывается, что утро уже далеко не раннее, почти половина одиннадцатого.

От лестницы коридор простирается в обе стороны, в противоположные крылья дома, но вход в восточное крыло перекрывает бархатная портьера, наскоро приколоченная к потолку; к портьере пришпилено объявление «Ремонтные работы».

Мне не терпится рассказать об ужасном утреннем происшествии, и я снова завожу речь об Анне, но мой добрый самаритянин таинственно качает головой, требуя молчания.

— Проклятые слуги за полминуты разнесут по дому сплетни, — поясняет он сдавленно и глухо, будто сквозь стену. — Лучше поговорим наедине.

Он обгоняет меня на два шага, но я еле держусь на ногах и не поспеваю за ним.

— Дружище, да на вас лица нет! — восклицает он, заметив, что я отстаю.

Он приобнимает меня, ведет дальше, ладонь лежит на спине, пальцы касаются позвонков. В простом жесте ощущается настоящее нетерпение. Он подталкивает

меня вперед, мы идем по сумрачному коридору со спальнями по обе стороны; в них прибираются горничные. От запаха краски слезятся глаза, — похоже, стены недавно красили — еще одно свидетельство поспешных ремонтных работ. Полы кое-где натерты мастикой, устланы коврами, чтобы приглушить скрип разошедшихся досок. Высокие спинки кресел прикрывают трещины в стенах, а картины и фарфоровые безделушки отвлекают взгляд от выщербленных лепных карнизов. Впрочем, все попытки скрыть разруху и запустение остаются безуспешными. Под коврами — руины.

— А вот и ваша спальня! — Мой спутник распахивает дверь в конце коридора.

Струя холодного воздуха ударяет в лицо, я немного прихожу в себя, но мой спутник решительно направляется к открытому окну, чтобы опустить створку. Я вхожу в уютную комнату, где в самом центре красуется роскошная кровать с балдахином, царственное величие которой несколько портят обвисшие складки ветхого полога, расшитого облезлыми птицами. В левом углу комнаты стоит складная ширма, сквозь щели между створками виднеется чугунная ванна. Спальня обставлена скудно; из прочей мебели — прикроватная тумбочка, буфет и платяной шкаф у окна, все растрескавшиеся и обшарпанные. Из личных вещей здесь только зачитанная до дыр Библия короля Иакова в обтрепанном переплете; она лежит на прикроватной тумбочке.

Пока мой добрый самаритянин сражается с разбухшей оконной рамой, я подхожу к нему, выглядываю в окно, и мысли моментально путаются. Особняк стоит в густом лесу, в плотном зеленом покрове нет прорех — ни деревеньки, ни дороги. Без компаса, без милосердия убийцы

я никогда не добрался бы до особняка, а сейчас не могу отделаться от ощущения, что меня заманили в западню. Если злодей убил Анну, а меня оставил в живых, значит у него есть какие-то далекоидущие планы. Но что ему от меня нужно? Почему он не расправился со мной в лесу?

Мой спутник наконец опускает створку окна, жестом приглашает меня сесть в кресло у зажженного камина, вручает мне белое полотенце из шкафа и, присев на краешек кровати, закидывает ногу на ногу.

— Ну, старина, а теперь рассказывайте обо всем по порядку, — просит он.

— Некогда! — Я сжимаю подлокотник кресла. — Я вам потом все расскажу, но сначала надо вызвать полицию и обыскать лес. Там прячется безумец.

Он окидывает меня любопытным взглядом, будто ищет правду в складках моей перепачканной одежды.

— К сожалению, вызвать полицию мы не сможем, телефонную связь сюда еще не провели, — отвечает он, потирая шею. — Разумеется, мы обыщем лес, а если что-то обнаружим, то пошлем кого-нибудь из слуг в деревню. Вы не хотите переодеться? А потом покажете, где это случилось.

— Видите ли... — Я нервно скручиваю полотенце. — Это затруднительно. Я заблудился и...

— Тогда опишите убийцу. — Он поддергивает штанину, открывая щиколотку в сером носке. — Как он выглядел?

— Я не видел его лица, только черное пальто.

— А Анна?

— Она тоже была в черном. — Я осознаю, что других сведений у меня нет, и щеки обжигает жаром. — И... в общем, мне известно только ее имя.

- Простите, Себастьян, я думал, вы с ней знакомы.
- Нет-нет... — бормочу я. — Ну, то есть, может быть.

Я не уверен.

Мой добрый самаритянин, свесив руки с коленей, со смущенной улыбкой подается вперед:

— Погодите-ка, я что-то не пойму. Вы знаете, как ее зовут, но не уверены, что...

— Да у меня память отшибло, черт побери! — восклицаю я, сбрасывая с плеч тяжелый груз признания. — Даже своего имени не помню, и как зовут друзей — тоже не знаю.

Его глаза скептически поблескивают. Впрочем, ничего удивительного; для меня самого все это звучит нелепо.

— Но память не имеет отношения к тому, что я видел, — настаиваю я, цепляясь за обрывки правдоподобия. — Я видел, как за женщиной кто-то гнался, она закричала, но выстрел оборвал крик. Надо обыскать лес!

— Понятно, — вздыхает он, стряхивая пылинку со штанины; следующие слова он подбирает медленно, осторожно, как будто предлагает их мне: — А может быть, вы столкнулись с влюбленной парочкой? Вдруг они затеяли какую-то игру в лесу, а звуком выстрела мог быть треск обломанной ветки. Или стреляли из стартового пистолета? Из ракетницы?

— Нет, что вы, женщина звала на помощь. Она была напугана! — Я взволнованно вскакиваю с кресла, отбрасываю грязное полотенце.

— Да-да, разумеется, — успокаивает он, глядя, как я мечусь по комнате. — Я вам верю, дружище, но полиция во всем требует точности. Да и потом, полицейские любят выставлять на посмешище людей из светского общества.

Я беспомощно гляжу на него, чувствуя, что тону в море банальностей. Внезапно вспомнив о компасе, я вытаскиваю его из кармана; компас заляпан грязью, приходится стереть ее рукавом.

— Убийца дал мне вот это. Сзади на корпусе — вензель, — указываю я дрожащим пальцем.

Сощурившись, он методично осматривает компас, крутит его в пальцах.

— «Эс Бэ», — медленно произносит он, глядя на меня.

— Да!

— Себастьян Белл. — Он умолкает, заметив мою растерянность. — Это ваши инициалы, Себастьян. Вас зовут Себастьян Белл. Это ваш компас.

Я открываю рот, но не издаю ни звука.

— Может быть, я его потерял. А убийца нашел.

— Все может быть, — кивает он.

Его доброта меня убивает. Он наверняка думает, что я полоумный пьяный дурак, который всю ночь плутал по лесу, а под утро заявился домой и теперь несет всякий бред. Самое страшное, что он меня ни в чем не упрекает, а наоборот, жалеет. Гневные упреки весомы и осязаемы, их можно опровергнуть, хотя бы и кулаками. А вот жалость — туман, в котором сразу теряешься.

Я падаю в кресло, сжимаю виски. По лесу бродит убийца, но я не могу убедить собеседника в грозящей нам опасности.

«Убийца, который показал вам дорогу домой».

— Я точно знаю, что именно я видел, — настаиваю я.

«Вы даже не знаете, кто вы такой».

— Разумеется, — произносит мой спутник, не понимая причины моего заявления.

Я смотрю в никуда, думаю о женщине по имени Анна, которую убили в лесу.

— Послушайте, вы пока отдохните. — Он встает. — А я пока узнаю, все ли на месте. Может быть, что-нибудь прояснится.

Он говорит благожелательно, но равнодушно. Доброта добротой, но мне он не верит, а значит, его расспросы ни к чему не приведут. Вот сейчас дверь за ним закроется, он для порядка обратится к прислуге, а тело несчастной Анны так и останется в лесу.

— Я видел, как убивают женщину. — Я устало поднимаюсь с кресла. — Я не смог ее спасти. Поэтому теперь обязан найти доказательства, даже если для этого придется обыскать весь лес.

Он пристально смотрит на меня, и моя неколебимая уверенность несколько развеивает его сомнения.

— И откуда вы собираетесь начать? — спрашивает он. — Вокруг тысячи гектаров леса, и даже из самых лучших побуждений у вас сейчас ничего не выйдет — вас ноги не держат. Все равно эта ваша Анна уже умерла, ее убийца бежал. Подождите часок, я подниму людей на поиски и спрошу прислугу. Кому-то должно быть известно, кто эта женщина и откуда взялась. Честное слово, мы ее отыщем, вот только сделать это надо без спешки, как полагается. — Он похлопывает меня по плечу. — Вы согласны? Подождете часок?

Я порываюсь возразить, но понимаю, что он прав. Мне надо отдохнуть, восстановить силы и, хотя смерть Анны тяжким грузом лежит на моей совести, одному возвращаться в лес не хочется. Я ведь и сам чудом спасся.

Я соглашаюсь, сокрушенно киваю.

— Спасибо, Себастьян, — говорит он. — Вам уже готовят ванну. Приведите себя в порядок, а я тем временем пошлю за врачом и велю своему камердинеру подобрать вам одежду. Отдохните, а к обеду встретимся в гостиной.

Надо бы узнать у него, что это за особняк и почему я здесь, но сейчас важнее другое: чем быстрее он всех расспросит, тем быстрее начнутся поиски. Однако же меня волнует кое-что еще, и, пока я подбираю слова, он уже открывает дверь.

— А здесь есть кто-нибудь из моих родственников? — спрашиваю я. — Наверное, они волнуются...

Он участливо глядит на меня с порога:

— Вы холостяк, старина. И родственников у вас нет, если не считать какой-то престарелой тетушки, которая обещалась отписать вам свое состояние. Друзей у вас много, вот я, например, но об этой Анне я никогда не слышал. Даже имя от вас узнал впервые.

Под моим разочарованным взглядом он смущенно отворачивается и исчезает в холодном коридоре; дверь хлопает, пламя в камине вздрагивает.

Холодный воздух из коридора не успевает рассеяться, как я вскакиваю с кресла, открываю ящички прикроватной тумбочки, ищу хоть какое-нибудь упоминание об Анне среди вещей: что угодно, лишь бы убедиться, что она — не порождение воспаленного ума. К сожалению, спальня упрямо молчит. Из личных вещей находится только портмоне с несколькими фунтовыми банкнотами и приглашение с золотым обрезом. На лицевой стороне — список гостей, на обороте — приписка от руки, изящным почерком:

Лорд и леди Хардкасл приглашают Вас на бал-маскарад в честь возвращения из Парижа их дотери Эвелины. Празднование состоится в имении Блэкхит-хаус, во второй уик-энд сентября. В связи с удаленностью имения экипажи будут ждать гостей в Абберли, ближайшей деревне.

Приглашение адресовано доктору Себастьяну Беллу. Лишь через несколько секунд я соображаю, что это мое имя. Действительно, мой добрый самаритянин так меня и называл, но имя на бумаге, да еще и с упоминанием моей профессии, ошеломляет еще больше. Я не ощущаю себя Себастьяном, а тем более — врачом.

Губы невольно кривятся в усмешке.

Интересно, что подумают обо мне пациенты, если я надену стетоскоп задом наперед.

Литературно-художественное издание

СТЮАРТ ТЕРТОН
СЕМЬ СМЕРТЕЙ
ЭВЕЛИНЫ ХАРДКАСЛ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.12.2019. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 22,56. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-MBB-26157-01-R